Научная статья
УДК 821.161.1-3 Набоков + 821.111-3 Джойс + 070.19 + 070.1:303.62
DOI 10.15826/izv1.2025.31.4.064

В. НАБОКОВ О ДЖОЙСЕ: ПРИЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ

Карина Касымова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
kasymovak@list.ru,
https://orcid.org/0009-0008-3251-0212

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается отношение Владимира Набокова к творчеству ирландского писателя Джеймса Джойса. Материалом исследования послужили тексты интервью, в которых журналисты касались темы возможного влияния Джойса на прозу Набокова, а также профессионального отношения русского писателя-эмигранта к великому ирландцу. Эти вопросы занимали не последнее место среди тех, что наиболее часто задавались набоковскими интервьюерами, и для этого были свои причины: к сравнению Набокова с Джойсом журналистов подталкивали свойственная обоим художникам установка на элитарность, интеллектуализм их творческого мышления и стиля. Некоторые черты поэтики Джойса были Набокову действительно близки: стилистическая виртуозность, внимание к деталям, пародийное начало, языковая «эквилибристика». Интервьюерам (Альфреду Аппелю, Герберту Голду, Джеймсу Моссмену) удавалось это сходство Набокова с Джойсом, которое ярче всего проступило в его поздних вещах («Бледный огонь», «Ада»), уловить и вполне компетентно актуализировать в форме задаваемых вопросов. Однако особый интерес для исследователей представляют ответы Набокова — вполне аналитичные и даже развернутые. Отмечая ряд достоинств и недостатков в романах Джойса, Набоков давал высокую, но не без оговорок, оценку «Улиссу», весьма прохладную — «Портрету художника в молодости» и «Поминкам по Финнегану». Что же касается предполагаемых «перекличек», Набоков твердо держался позиции, что как художник он ничем Джойсу не обязан, а возможные «сходства» с ним не более чем совпадения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. В. Набоков; Дж. Джойс; ирландская литература; «Портрет художника в молодости»; «Улисс»; «Поминки по Финнегану»; «Бледный огонь»; «Ада»; вопросы культурных влияний; рецепция; интервью; интервьюеры

© Касымова К., 2025

NABOKOV ON JOYCE: CONFESSIONS IN THE INTERVIEW DISCOURSE

Karina Kasymova
Ural Federal University,
Ekaterinburg, *Russia*,
kasymovak@list.ru,
https://orcid.org/0009-0008-3251-0212

A b s t r a c t. The article examines Vladimir Nabokov's attitude towards the work of the Irish writer James Joyce. The research material was based on interviews in which journalists discussed the possible Joyce's influence on Nabokov's prose, or the professional attitude of the Russian emigrant writer to the great Irishman. These questions were not the least among the most frequently asked by Nabokov's interviewers, and there were reasons for this: journalists were encouraged to compare Nabokov with Joyce by the attitude of both artists towards elitism, the intellectualism of their creative thinking, and style. Some of the elements of Joyce's poetics were close to Nabokov: stylistic virtuosity, attention to detail, parodic beginning, and linguistic "balancing act". The interviewers (Alfred Appel Jr., Herbert Gold, James Mossman) managed to capture the similarity between Nabokov and Joyce, which was most evident in Nabokov's late works ("Pale Fire", "Ada"), and they quite competently explored it through their questions. However, Nabokov's answers are of particular interest to researchers because they are highly analytical and detailed. Noting several merits and flaws in Joyce's works, Nabokov gave a high, but not without reservations, assessment of "Ulysses", and a rather cool one of "A Portrait of the Artist as a Young Man" and "Finnegans Wake". As for the supposed "parallels", Nabokov steadfastly maintained the position that as an artist, he owed nothing to Joyce and that any potential "similarities" with him were nothing more than coincidences.

K e y w o r d s: V. Nabokov; J. Joyce; questions of cultural influences; Irish literature; "A Portrait of the Artist as a Young Man"; "Ulysses"; "Finnegans Wake"; "Pale Fire"; "Ada"; interpretation; reception; interview; interviewers

«Что... касается влияния, оказанного на меня кем-то из писателей, могу сказать, что никто конкретно — ни живой, ни мертвый — на меня влияния не оказал» [Набоков о Набокове..., с. 239]. Процитированная нами фраза в полной мере определяет отношение В. В. Набокова к занимающей не последнее место в дискурсе его интервью теме литературных «влияний» на него и «сходства» с другими писателями прошлого и настоящего. Можно вспомнить здесь и слова Набокова о том, что в «плане техники» он не чувствует себя «ничьим кредитором» — неважно, «идет ли речь о [его] русских или английских вещах» [Мельников, 2011, с. 487]. Однако отвечать на вопросы вроде: «М-р Набоков, кто из писателей прошлого и (или) настоящего повлиял на вас как творца?» — Набокову все же приходилось, причем довольно часто. Стремясь определить круг «родственных» Набокову писателей, журналисты называли многие известные имена: Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Дж. Конрада, М. Пруста, Ф. Кафки, Х. Л. Борхеса, С. Беккета. От некоторых

попыток сравнений, пусть и не лишенных оснований, Набоков испытывал изрядную долю раздражения (с Ф. М. Достоевским, например), от других — вполне оправданные недовольство и недоумение (с Дж. Конрадом, С. Беккетом). В случаях, когда интервьюеры пытались «привязать» Набокова к кому-то из любимых или условно любимых им художников — Н. В. Гоголю, М. Прусту, Ф. Кафке, — Набоков мог публично отдать должное их гению, но не спешил признавать в них своих «учителей».

Что же касается публичных высказываний Набокова о творчестве Дж. Джойса, они стоят в этом ряду признаний и непризнаний особняком, и на то есть две причины. Во-первых, именно в Джойсе интервьюеры видели наиболее подходящего кандидата на роль ближайшего литературного «родственника» Набокова и потому нередко задавали последнему вопросы о «сходствах» и «влияниях» в этом направлении. Во-вторых, ответы Набокова, связанные с Джойсом, выделяются на фоне его же рассуждений о других предполагаемых его предшественниках/современниках, и выделяются прежде всего степенью развернутости и выражения благосклонности. «О да, пусть люди обязательно сравнивают меня с Джойсом, но мой английский — лишь вялое перебрасывание мяча по сравнению с чемпионской игрой Джойса» — уже по одной этой фразе можно заметить, что творчество ирландского писателя было для Набокова чем-то особенным: не терпящий в подавляющем большинстве случаев сравнений себя с кем бы то ни было, Набоков *сам* сравнивает себя с другим [Набоков о Набокове..., с. 170]. Даже если предположить, что это его высказывание не лишено иронии, оно тем не менее обращает на себя внимание.

Как и в случаях со всеми другими писателями, которые так или иначе могли попасть в круг интереса Набокова-художника и Набокова-читателя, вопросы интервьюеров о Джойсе были чаще всего двунаправленными: «М-р Набоков, что вы думаете о Джойсе?» и «М-р Набоков, повлиял ли на вас Джойс?». Кроме этого иногда звучал также вопрос «М-р Набоков, встречались ли вы с Джойсом?», продиктованный тем обстоятельством, что Джойс был старшим современником Набокова, и пути обоих несколько раз пересекались в то время, когда Набоков был еще Сириным. Самым показательным в этом отношении является интервью Набокова Альфреду Аппелю для журнала «Wisconsin Studies in Contemporary Literature» (1966), в котором, во-первых, последовательно озвучиваются все три вышеназванных вопроса; во-вторых, на них даются достаточно развернутые ответы. В-третьих, что немаловажно, вопросы о Джойсе Набокову задает не просто хорошо подготовившийся к интервью со знаменитым писателем журналист, но его бывший студент, слушатель его курса «Шедевры европейской литературы» в Корнелле (1954), который знает, кого и о чем он расспрашивает.

Раскрытие джойсовской темы в беседе с Набоковым Аппель начинает с прямого вопроса о том, есть ли в его романе «Бледный огонь» какие-либо переклички с Джойсом. Для аргументации своего интереса Аппель цитирует Набокову строки из поэмы героя «Бледного огня» Джона Шейда: «Я, стоя у открытого окна, подравниваю ногти» — которые, как ему кажется, перекликаются со словами

джойсовского Стивена Дедалуса о художнике, который «пребывает где-то внутри, или позади, или вне, или над своим творением — невидимый, по ту сторону бытия, бесстрастно подравнивая ногти». Продолжая свою мысль, Аппель указывает на то, что подобное присутствие «не невидимого» и «совсем не беспристрастного» творца можно наблюдать почти во всех романах Набокова, «особенно в “Приглашении на казнь”, “Под знаком незаконнорожденных”, “Бледном огне” и “Пнине”, и даже в “Лолите”» [Набоков о Набокове..., с. 186]. На столь детально обоснованный вопрос Аппеля Набоков отвечает следующим образом: во-первых, «ни Кинбот, ни Шейд, ни их создатель с Джойсом в “Бледном огне” не перекликаются»; во-вторых, «Портрет художника в молодости» ему «никогда не нравился» — на его взгляд, это «слабая книга, в ней много болтовни»; в-третьих, процитированные фрагменты — «просто неприятное совпадение» [Там же].

Аппель решает зайти к теме перекличек с другой стороны и, сделав в высшей степени уважительную по отношению к несомненной творческой оригинальности Набокова оговорку о том, что, разумеется, он «охотно готов согласиться» с тем, что «поиски влияний могут оскорблять достоинство писателя», все же продолжает свою линию, замечая, что во взаимоотношениях с Джойсом Набоков, «не подражая ему», «в то же время сознательно» на него опирался, развивая «заложенные в “Улиссе” возможности, не прибегая к классическим джойсовским приемам» — в качестве примеров Аппель называет «поток сознания» и «эффект “коллажа”, составленного из... сора повседневности». В связи с этим ему хотелось бы знать, как г-н Набоков относится к Джойсу «как к писателю» и как он оценивает «его вклад в раскрепощение... романной формы» [Там же].

Аккуратность Аппеля в формулировках не остается неоцененной Набоковым: свой ответ он делает подробным ровно настолько, чтобы удовлетворить любопытство (и отнюдь не праздное) своего пытливого собеседника. Так, оценивая текст «Улисса», Набоков отмечает его «благородную изысканность» и «прозрачность», которые возвышают эту вещь Джойса надо всем, им написанным. В сравнении с «Улиссом» «Поминки по Финнегану» представляют собой, по мнению Набокова, «бесформенную серую массу подложного фольклора», с «нечастыми проблесками» «божественной интонации» [Там же, с. 187]. Что касается «опоры» на Джойса и «развития» заложенных им в «Улиссе» возможностей, то здесь, говорит Набоков, важно подчеркнуть: к моменту «первой настоящей встречи» с этим романом в 1930-е, не считая «искоса брошенного» на него взгляда «в начале» 1920-х, он был «уже сложившимся писателем, мало поддающимся литературным влияниям». Изучение же «Улисса» случилось и того позднее — в 1950-е, в ходе подготовки им курса по литературе для Корнелла [Там же].

Следующий вопрос Аппеля — еще один образец его предельно серьезного подхода к обсуждаемой теме. Ссылаясь на утверждение, запомнившееся ему из лекций Набокова о Джойсе, что «галлюцинации в Ночном городе принадлежат автору, а не Стивену или Блуму», Аппель интересуется у писателя, может ли он прокомментировать, сравнив также «с собственной интенцией», восприятие этого джойсовского приема, заключающегося в присутствии «внутри»

произведения и «над» ним [Набоков о Набокове..., с. 187–188]. Набоков, однако, уходит в сторону от просьбы Аппеля (стоит сказать, повторной) прокомментировать «собственную интенцию» джойсовских приемов при работе с фигурой всевидящего и всезнающего творца и останавливается только на том своем утверждении, согласно которому Блум не может быть главным действующим лицом в «главе Ночного города»: будучи «увядающим мужчиной», он уже просто не способен «погрузиться в разнузданные сексуальные фантазии Ночного города». Скорее всего, считает Набоков, за Блума и «вокруг него грезит сам автор» [Там же, с. 188].

Аппель не отступает и пробует вновь расспросить Набокова о возможном сходстве «Бледного огня» с произведением Джойса, но уже не с «Портретом художника в молодости», а с «Поминками по Финнегану». Несмотря на то, что однажды после лекции Набоков, как помнит интервьюер, ему, своему студенту, признался, что не смог одолеть «более сотни страниц» этой книги, ему, Аппелю, кажется, что в «Поминках по Финнегану» есть «пассаж, по духу очень близкий “Бледному огню”»*:* по мысли Аппеля, Джойс, перечисляя историю названий письма Анны Ливии Плюрабель, делает также отсылку к одному из памфлетов Дж. Свифта. Журналисту хотелось бы знать, является ли «простым совпадением» то, что «“Предисловие” Кинбота к “Бледному огню” датировано 19 октября, то есть датой смерти Свифта»? [Там же, с. 190]. «“Финнегана” я в конце концов одолел, — признается Набоков, — но никакой внутренней связи между ним и “Бледным огнем” нет». В первую очередь, замечает Набоков, его Кинбот покончил с собой в день «пушкинско-лицейской годовщины», а то, что это также, по случайному совпадению, и «годовщина смерти “бедного старого Свифта”» — ну что же, «очень мило» [Там же, с. 190–191].

«Каково ваше мнение о пародиях Джойса?» — интересуется Аппель, решив немного отойти от темы со «сходствами». Для примера он называет такие эпизоды «Улисса», как «сцена в Родильном приюте» и «пляжная интерлюдия с Гертой Макдауэлл»[1]. «Литературные пародии в главе о Родильном приюте... довольно нудные», — отвечает Набоков. В то же время пародии «на цветистые любовные романчики» в эпизоде с Гертой (Герти) Макдауэлл, на его взгляд, «...в высшей степени успешны». Более того, само сочетание клише «с фейерверками... истинной поэзии» представляется ему «полетом гения» [Там же, с. 192–193].

«Видели ли вы Джойса, когда одновременно с ним жили в Париже?» — еще один вопрос Аппеля, нацеленный на то, чтобы «сменить тему», на него Набоков отвечает охотно, подробно рассказывая о нескольких встречах с Джойсом «в конце тридцатых годов» [Там же, с. 202–203]. Первая из них, вспоминает Набоков, состоялась в феврале 1937 г., когда ему «в последнюю минуту» пришлось заменить на литературном вечере заболевшую «венгерскую писательницу, которая пользовалась в ту зиму большой известностью, написав роман-бестселлер...

[1] Эпизод XIV «Быки солнца» и эпизод XIII «Навсикая» (см.: [Хоружий, 1994а, с. 448]).

“La rue du Chat qui Pêche”»[2], и прочесть свой «французский доклад о Пушкине» («Пушкин, или Правда и правдоподобие». — *К. К.*). Его «старые друзья» Поль и Люси Леон[3], опасаясь, что из-за изменения программы публики в зале не будет, сделали «все возможное, чтобы собрать аудиторию, какую, по их мнению, [ему] хотелось бы видеть перед собой». В частности, привели среди прочих и своего близкого друга Джойса. Набоков признается, что «присутствие Джойса» стало для него «незабываемым утешением»[4]. «В другой раз[5], — продолжает писатель свой рассказ Аппелю, — мы с женой обедали с ним у Леонов, после чего целый вечер беседовали. Я ни слова не помню из этой беседы, но жена моя вспоминает, что Джойса интересовал рецепт меда, русского напитка» [Набоков о Набокове..., с. 203]. Как отмечает в своей статье В. Л. Шохина, разговор на том обеде касался не только рецептов меда. В частности, Набокова удивило то обстоятельство, что Джойс «...пренебрежительно отозвался об использовании мифологии в современной литературе. “Но вы же использовали Гомера...” — “Заскок”, — ответил Джойс”» [Шохина].

Именно с гомеровскими параллелями будет связан последний вопрос Аппеля по линии Джойса, который он задаст Набокову. Вновь обратившись к воспоминаниям о прослушанных им лекциях по «Улиссу» в университете, Аппель заметит, что Набоков в них «ни разу» эти параллели не упоминает. На что Набоков отвечает, что Джойсу очень скоро пришлось осознать, «что вся эта тягомотина... с... “гомеровскими параллелями” будет только отвлекать... от подлинных достоинств книги», и отказаться от «претенциозных заголовков, “объясняющих” книгу тем, кто не станет ее читать». «В своих лекциях, — подчеркивает Набоков, — я старался приводить только факты» (например, карту Дублина, без знания которой «Улисса» «невозможно понять») [Набоков о Набокове..., с. 130, 207]. Здесь, на наш взгляд, стоит немного уточнить: в лекциях об «Улиссе» Набоков гомеровские параллели все же упоминает — для того, чтобы предостеречь свою аудиторию «...от соблазна видеть в... приключениях Леопольда Блума... прямую пародию на “Одиссею”... Очень приблизительная и... общая перекличка с Гомером, — отмечает Набоков, — очевидно, существует в теме странствий Блума», однако лишь наряду «со многими другими... классическими аллюзиями», наполняющими текст романа [Набоков, 2022, с. 366].

В телеинтервью Роберту Хьюзу (1965) Набоков также критически выскажется о стремлении «академических ничтожеств» (определение писателя) превратить «Улисс», это «божественное произведение искусства», в «коллекцию символов или греческих мифов». Описывая по просьбе интервьюера свой подход

[2] Этой писательницей была Йолан Фолдес (Йолане Фёльдеш), автор романа «Улица котарыболова» (1936) [Бойд, 2010а, с. 506; Мельников, 2002, с. 665].

[3] См. об этом более подробно: [Шохина].

[4] Эпизод своей первой встречи с Джойсом, который однажды пришел его послушать, Набоков так же подробно опишет в более позднем интервью Клоду Жанно для французского издания «Le Figaro Litteraire» (1972 г.) [Набоков о Набокове..., с. 350–351].

[5] В феврале 1939 г. [Бойд, 2010а, с. 582–583].

к преподаванию литературы, Набоков скажет, что однажды поставил студенту «тройку с минусом, а может двойку с плюсом, только за то», что тот «цеплял к главам “Улисса” заимствованные из Гомера названия» [Набоков о Набокове..., с. 170].

Разумеется, о Джойсе и о джойсовском влиянии Набокова расспрашивал не только А. Аппель. Так, например, Герберт Голд, корреспондент журнала «Paris Review» (1966), в своей беседе с писателем вводит джойсовскую тему с предположения о том, что Набоков, как «поклонник Борхеса и Джойса», кажется, разделяет их «склонность дразнить читателя всякими фокусами, каламбурами и загадками». Нужно сказать, что Голд, как и А. Аппель, был одним из тех набоковских интервьюеров, что задавали вопросы прицельно: Голд был писателем и, кроме того, хорошим знакомым Набокова (в 1959 г. он по рекомендации Набокова занял его место лектора в Корнелле) [Бойд, 2010б, с. 452; Мельников, 2002, с. 689]. Отвечая на заданный Голдом вопрос, Набоков замечает, что, во-первых, он не припоминает «никаких каламбуров у Борхеса»; во-вторых, ему не кажется, что «изящные сказочки» и «миниатюрные минотавры» Борхеса имеют что-то общее «с громадными механизмами Джойса»; в-третьих, он не находит «большого количества загадок» в столь стилистически «прозрачном» романе, как «Улисс». Что до «Поминок по Финнегану», говорит Набоков, то эту вещь Джойса он терпеть не может — «злокачественное разрастание прихотливой словесной ткани» в этом произведении не может искупить его же «ужасное фольклорное веселье и... слишком понятную аллегорию» [Набоков о Набокове..., с. 221]. Интервьюер решается спросить напрямую: «Чему вы научились у Джойса?» «Ничему», — отвечает его собеседник. На недоверчивое «Вы это серьезно?» от Голда Набоков повторяет: «Джеймс Джойс не оказал на меня вообще никакого влияния», и терпеливо поясняет, что да, его «первая и короткая встреча с “Улиссом” произошла около 1920 г. в Кембриджском университете»: его приятель, Петр Мрозовский, привезший книгу из Парижа, зачитал ему «несколько пикантных отрывков из монолога Молли»[6], которые его не слишком тогда впечатлили. По-настоящему с «Улиссом», который ему «необычайно понравился», он познакомился «пятнадцать лет спустя», будучи к тому моменту уже «вполне сложившимся писателем, не склонным учиться чему-нибудь новому или забывать что-нибудь старое» [Там же, с. 221–222]. Если быть точнее, то, как отмечает Б. Бойд, кембриджское знакомство Набокова с «Улиссом» произошло весной 1922 г., в год, когда этот роман был впервые полностью издан в Париже. «Улисса» Набоков, по Бойду, прочел весной 1931 г.[7], когда ему удалось найти его «у кого-то из знакомых» [Бойд, 2010а, с. 230; 425]. В письме Г. Струве от 8 мая 1931 г. Набоков тогда поделился следующим впечатлением: «На днях перечел “Улисса” Джойса. Какая гениальная похабель. Местами, однако, несколько искусственная» (цит. по: [Бойд, 2010а, с. 425]). Что касается «Поминок по Финнегану», продолжает Набоков, то к ним он, «как и ко

[6] Эпизод XVIII «Пенелопа» (см.: [Хоружий, 1994а, с. 448]).
[7] То есть не в 1935 г., как в данном случае считает сам Набоков.

всякой региональной литературе, написанной на диалекте», относится равнодушно. Даже «если это диалект гения» [Набоков о Набокове..., с. 222].

Британский журналист Джеймс Моссмен, беря у Набокова интервью для программы «Review» телеканала BBC-2 (1969), также более чем прямолинейно интересуется у писателя, может ли он признать, что на формирование его таланта «большое влияние оказал Джеймс Джойс»? Свой вопрос Моссмен обосновывает тем, что в романе Набокова «Ада» (1969) «много игры словами, каламбуров, пародий» [Там же, с. 290]. На что Набоков замечает, что он «начал играть словами задолго до того, как прочитал “Улисса”». Да, он любит эту книгу, но не за игру слов, а за «прозрачность и точность прозы». На его взгляд, «настоящая игра слов» — в «Поминках по Финнегану», но в целом это «трагическая неудача Джойса и ужасающе скучная вещь» [Там же].

Как видим, тема джойсовского влияния интересовала практически всех журналистов. При этом нельзя сказать, что их интерес был безоснователен. Так, А. Аппель достаточно точно обозначил общность между Джойсом и Набоковым, заключающуюся в использовании приема с присутствием «не невидимого» и «совсем не беспристрастного» творца. Г. Голд и Дж. Моссмен также верно уловили свойственную обоим художникам склонность к языковой игре. Есть в произведениях Набокова и ряд отсылок к творчеству (и биографии) Джойса, пародий на него и элементов диалога с ним. В качестве примеров можно назвать томик «Улисса» на книжной полке Себастьяна Найта или рассказ Адама Круга, героя «Под знаком незаконнорожденных», о человеке с «ястребиным лицом и ученой карьерой, внезапно оборванной нерасчетливым выбором времени для амурной истории», который, как считает Michael H. Begnal, отсылает к образу Стивена Дедалуса, носящему имя «ястребоподобного человека» и обладающему автобиографическими чертами Джойса [Джойс, с. 416; Набоков, 2004, с. 57, 296; Begnal, p. 22]. Н. Букс пишет о том, что в одной из сцен романа «Король, дама, валет» (в главе IV. — *К. К.*) Набоков воспроизводит джойсовский прием смещения точки зрения, который в своих «Лекциях» он назовет «трюком с изменением взгляда», объясняющим постоянно «меняющуюся доминанту стиля в романе Джойса» [Букс, с. 52]. В. Л. Шохина обращает внимание на то, что между эпизодом XIII «Улисса» и «Лолитой» есть определенные параллели: сравнивая вышеназванный эпизод с «Исповедью Светлокожего Вдовца», исследовательница обнаруживает сходства и в сквозных темах, и в образах Блума/Гумберта и Герти/Лолиты. Есть в «Лолите» и «пародии на джойсовский “поток сознания”» [Шохина], использование его приема «синхронизации незначительных событий». Главное же, что, по мнению Шохиной, роднит эпизод XIII и «Лолиту», — «это... сопряжение гадкого с трогательным, низкого с высоким»: жалость Блума стремительно оборачивается похотью; Гумберт также переходит из состояния влюбленного в состояние развратника и растлителя» [Там же]. Исследовательница пишет, что «Лолита» — это «*диалог* (так в тексте. — *К. К.*) Набокова с Джойсом и пародия на него...» [Там же].

По К. Профферу, Набоков все же «кое-что почерпнул из Джойса»: в тексте его «Лолиты» имеются аллюзии к «Портрету художника в молодости», «Улиссу»,

«Поминкам по Финнегану» [Проффер, с. 28]. О. Воронина замечает джойсовский подтекст в рассказе Набокова «Сестры Вэйн» [Воронина]. Б. Бойд, анализируя набоковский «Дар», предлагает трактовать романный образ Берлина как своеобразный ответ образу Дублина в «Улиссе» [Бойд, 2010а, с. 520, 540]. Как и «Улисс», «Дар» «исследует... умственную акробатику молодого писателя, слоняющегося по городским улицам»; присутствуют в нем и «мотив ключей», и метафизическая загадочность отношений «между отцом и сыном». Однако, заключает Бойд, «Набоков, конечно же, ни у кого не списывал» [Там же, с. 542]. Схожей позиции придерживается джойсовед С. С. Хоружий, считающий, что несмотря на то, что, например, в «Бледном огне» и «Аде» можно «усмотреть... близость к Джойсу», подобная созвучность, однако, не говорит именно о *влиянии* Джойса на Набокова. С его точки зрения, уместнее говорить о том, что Джойс стал «непременной частью выучки» для «некоего небольшого направления, уже характерно постджойсовского», куда, наряду с Набоковым, примыкают, например, Х. Л. Борхес, Х. Кортасар, Дж. Барт [Хоружий, 1994б, с. 561–562].

Набоков порой мог и сам в своих высказываниях упомянуть великого коллегу. Так, объясняя Дж. Моссмену (1969) семантическую разницу понятия «гений» в русской и англоязычной культурах, Набоков берет за образец «ослепительного дара» фигуру Джойса, подчеркивая, что Джойс для него — это «гений» в том значении, в котором этот термин понимают русские, используя его по отношению к таким избранным, как А. С. Пушкин или Л. Н. Толстой. Для писателей, пользующихся «искренней любовью читателей», вроде И. С. Тургенева, А. П. Чехова или Г. Джеймса, если подбирать им равного, объясняет Набоков, в русском языке есть «более скромный термин — “талант”» [Набоков о Набокове..., с. 285]. В беседе с Р. Хьюзом (1965) Набоков, желая немного развенчать мифы о так называемых «шедеврах», вроде «ослиной» «Смерти в Венеции» Т. Манна или «кукурузных хроник» У. Фолкнера, подчеркивает: «*Мои* (так в тексте. — *К. К.*) величайшие шедевры прозы двадцатого столетия таковы, в приводимой последовательности: “Улисс” Джойса, “Превращение” Кафки, “Петербург” Белого и первая часть сказки Пруста “В поисках утраченного времени”» [Там же, с. 172].

В интервью французскому журналу «L’Express» (1959), отвечая на «нескромный вопрос» Анн Герен о том, на каком языке он думает, Набоков замечает, что формулировка «думать на языке» не совсем корректна, адекватно воплотить процесс «думания» на языке не удалось, в том числе и Джойсу. Для создателя «Улисса» это стало тем затруднением, которое он «так и не смог преодолеть»: тот «словесный поток, без знаков препинания» в «Улиссе» и в «Поминках по Финнегану», которым он попытался передать некий «внутренний язык», на взгляд Набокова, трудно назвать удачным, ведь «...люди таким манером не думают. Словами — да, но также готовыми оборотами, клише. Ну и, само собой, образами...» [Там же, с. 82].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что публичные рассуждения Набокова о творчестве старшего современника были в целом «заряжены» положительно. Гениальность Дж. Джойса не ставилась Набоковым под сомнение. Роман «Улисс» Набоков ценил очень высоко, называя его «божественным

произведением искусства», являющимся чем-то неизмеримо бо́льшим, нежели просто подражанием древнегреческому мифу. При этом, несмотря на то, что Джойс был для Набокова, несомненно, выдающимся художником, создателем стилистически «прозрачного» «Улисса», это не означало, что его восхищение способно автоматически перенестись на восприятие других произведений писателя. Так, «Поминки по Финнегану» Набоков считал «творческой неудачей» Джойса, «серой массой» из фольклора, образчиком «региональной литературы» и «ужасающе скучной вещью», которую не спасают проблески «божественной интонации»; «Портрет художника в молодости» Набокову также не нравился — для писателя он был «слабой книгой» с большим количеством «болтовни». Некоторые стилистические находки Джойса вызывали у Набокова скепсис: например, его знаменитый прием «потока сознания», воплощенный и в «божественном» «Улиссе», и в «неудачных» «Поминках по Финнегану», был для Набокова совершенно неубедительным на том основании, что люди думают не только словами, но оборотами и клише, а также образами.

Если говорить о «перекличках», то наличие чего бы то ни было «джойсовского» в собственном творчестве, несмотря на настойчивые расспросы журналистов, Набоков уверенно отрицал, определяя «схожести» как случайные, неприятные совпадения. Хотя нельзя сказать, что предположения интервьюеров на тему сходства были безосновательны. У художественных систем Набокова и Джойса можно действительно обнаружить некоторые общности, заключающиеся, например, в экспериментальности формы, в присутствии игрового начала, иронических мистификаций, аллюзивной сложности, в обилии деталей, подробностей, разнообразных мелочей, в мифологизации текста, манипуляции временем, мастерской работе с каламбурами и анаграммами. Есть в текстах Набокова и следы творческого диалога с Джойсом. Частота вопросов в адрес Набокова, связанных с его восприятием творчества Джойса, на наш взгляд, лишний раз подтверждает, что Набоков и Джойс — типологически близкие друг другу художники: «сложные» и в определенной мере элитарные, требующие от своего читателя собранности, внимательности и немалой эрудиции.

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы : биография : пер. с англ. СПб., 2010а.

Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы : биография : пер. с англ. СПб., 2010б.

Букс Н. Роман-вальс // Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. М., 1998. С. 40–56.

Воронина О. «Поток священный»: Стивенсон, Колридж, Джойс // Воронина О. Тайнопись: Набоков. Архив. Подтекст. СПб., 2023. С. 295–316.

Джойс Д. Собрание сочинений : в 3 т. : пер. с англ. М., 1994. Т. 1.

Мельников Н. Г. [Комментарии к книге «Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе»] // Набоков о Набокове и прочем : интервью, рецензии, эссе / сост., предисл., коммент., подбор ил. Н. Г. Мельникова. М., 2002. С. 625–692.

Мельников Н. Г. Писатель и папарацци: итальянские интервью Владимира Набокова / предисл., подгот. текста и примеч. Н. Г. Мельникова ; пер. с ит. Е. В. Лозинской, А. Ю. Магадовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2011. Вып. 2. С. 479–492.

Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода : в 5 т. : пер. с англ. / сост. С. Ильина, А. Кононова ; предисл. и коммент. А. Люксембурга. СПб., 2004. Т. 1.

Набоков В. «Улисс» (1922) / пер. с англ. Е. Касаткиной // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб., 2022. С. 363–459.

Набоков о Набокове и прочем : интервью, рецензии, эссе / сост., предисл., коммент., подбор ил. Н. Г. Мельникова. М., 2002.

Проффер К. Ключи к «Лолите» / пер. с англ. и предисл. Н. Махлаюка, С. Слободянюка ; послесл. Д. Б. Джонсона. М., 2023.

Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. Странствия по «Улиссу» // Джойс Д. Собр. соч. : в 3 т. / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. М., 1994а. Т. 3. С. 447–520.

Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. Возвращение // Джойс Д. Собр. соч. : в 3 т. / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. М., 1994б. Т. 3. С. 520–605.

Шохина В. Джойс и Набоков: признаки сродства. Эпизод XIII «Улисса» как источник «Лолиты» // Звезда. 2024. № 4. URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4781 (дата обращения: 23.08.2025).

Begnal M. H. «Bend Sinister»: Joyce, Shakespeare, Nabokov // Modern Language Studies. 1985. Vol. 15, № 4. P. 22–27.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025 г.